

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации Шляховой Светланы Сергеевны «Фоносемантические маргиналии в русской речи», представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.02.01. – русский язык (Пермь, 2006).

Рецензируемая работа посвящена изучению весьма интересных и недостаточно еще изученных явлений и, несомненно, затрагивает важнейшие теоретические вопросы. Как подчеркивает автор, ФМ играют большую роль в самых разных сферах речевой коммуникации. «Фиксация, описание и осмысление этих странных языковых форм позволяют решать не только проблемы описания звукоизобразительной системы русского языка, но и проблемы, связанные с языковой семантикой, этимологией, функционально-стилистической и жанровой парадигмой текста, текстовой семантикой и др.» (с. 382).

В центре внимания диссертационного исследования – языковые явления звукоизобразительного характера (*толк, бум, бах, ля-ля-ля* и т.п.), локализуемые на периферии языковой системы (имеющие *маргинальный статус*), а потому названные автором *фоносемантическими маргиналиями* (ФМ). **Актуальность** исследования обосновывается тем, что ни в западной лингвистике, ни в русистике пока не определен статус ФМ в языковой системе (при том что для диссертанта, по-видимому, несомненно, что все исследуемые явления имеют маргинальный статус) и что «системное лингвистическое описание ФМ до сих пор не осуществлено» (это, по мнению автора, как раз и объясняется маргинальным характером звукоподражаний).

Стоит согласиться с выводом, что лингвистические маргиналии для теоретического языкознания дают не менее ценный материал, чем явления ядра языковой системы. Лингвистика маргиналий – отнюдь не маргинальная лингвистика, ибо исследователь, изучающий маргинальные сферы языка и речи (как и социолог или психолог, сосредоточивающий внимание на аномальных явлениях), **затрагивает важнейшие теоретические проблемы**. А между тем «в русистике фоносемантика до сих пор остается в определенном смысле маргинальным разделом» (с. 6).

Основную цель работы автор определяет как описание «феномена фоносемантических маргиналий в целом – в системно-структурном, функциональном и генетическом аспектах». Особое значение, по-видимому, имеет тот факт, что ФМ – первично мотивированный знак. В исследовании «делается попытка проследить становление, историческую динамику, живое движение ФМ в пространстве языка». Это весьма непростая задача, требующая серьезной теоретической разработки, решения многих важных проблем. И вполне оправданно, что автор на-

чинает работу с обсуждения проблемы маргинальности в контексте современной научной парадигмы (в современном научном дискурсе) и уделяет серьезное внимание выбору исходных теоретических построений и методологических ориентиров.

Среди задач, решавшихся в ходе исследования, я отметил бы следующие: обоснование понятия *фоносферы* (входящего в ряд уже существующих понятий *биосферы* и *семиосферы*) и понятия *фоносемантической маргиналии*; описание означенных маргиналий (на материале живой устной речи) в системно-структурном и функциональном аспектах; выявление основных признаков ФМ-системы (открытость / закрытость, равновесность / неравновесность, устойчивость / неустойчивость), обусловливающих свойства маргинальности (меж-бытие, переходность, аномальность, «инаковость»).

Хотел бы в связи с этим заметить, что перечисленные признаки характеризуют всякую сложодинамическую систему, а не только систему маргиналий; динамический подход к языку предполагает рассмотрение любого компонента системы, в какой бы ее сфере он ни локализовался, как момента перехода из одного состояния в другое (в диахронии и в синхронии), от центра к периферии и наоборот.

Диссертант, ориентируясь на современные методологические установки, стремится описать «нелинейную динамику», или «хаос» ФМ-системы, акцентируя внимание на «вариантах изменений» системы, приводящих ее к «точкам предела, где происходит катастрофа системы – ветвление вариантов ее развития».

Описывая во Введении методы исследования, автор подробно останавливается на проблемах современной эпистемологии и приходит к выводу о том, что маргинальные сферы различных систем в силу своей специфики (маргинальности) оптимально исследовать в рамках системно-структурного подхода, опираясь на положения не только детерминистских концепций (линейной динамики), но и теории нелинейной динамики. Изучение маргинальных явлений требуют от исследователя обращения к некоторым смежным областям (к их маргинальным сферам), что предопределяет выбор «междисциплинарного подхода».

В обоснование выбора методологии нелинейной динамики утверждается, что она позволяет обнаружить единые механизмы «в нелинейных явлениях различной природы, в физических, химических, биологических, социальных системах... Единство мира, с точки зрения этого подхода, проявляется в универсальности математических моделей, описывающих реальность, в возможности построить математическое описание данного явления с различной точностью с помощью одного набора «кубиков» – базовых моделей. Поэтому роль нелинейной науки в обще-

научном контексте как «языка междисциплинарного общения» может оказаться очень большой» [цитата из работы Малинецкого и Потапова].

Подчеркивается, что в ходе исследования использовались «методы наблюдения, сопоставления, лингво-стилистического, этимологического, контекстуального, семного, семиотического и фоносемантического анализа, а также введенный автором «метод доминантности ономотопей». Исследование ФМ-системы проводится в структурно-синхронном и диахронно-динамическом аспектах».

О «методе доминантности ономотопей» я скажу ниже, здесь же обращаю внимание на довольно типичную тенденцию – отождествлять цель научного исследования с методом. Другими словами, существуют определенные методы и приемы лингво-стилистического, этимологического, семиотического или фоносемантического анализа, но вряд ли правомерно говорить об этимологическом, лингво-стилистическом, этимологическом, фоносемантическом и др. методах.

Можно согласиться с мнением автора, полагающего, что **теоретическая значимость** «состоит в новом подходе к изучению фоносемантического пространства языка», в разработке таких понятий, как «фоносфера», «фоносемантическая маргиналия», «ФМ-система», «другая речь». Одним из важнейших теоретических обобщений, сделанных в диссертации, представляется вывод о том, что изучение языковых маргиналий предполагает особую методологию и, следовательно, вполне правомерно говорить о необходимости выделения особого направления, особого раздела языкознания – лингвистики маргиналий.

Работа содержит четыре главы и пять довольно значительных по объему приложений, в которых приводятся разного сравнительные таблицы, списки слов, иллюстрирующие теоретические изыскания, отрывки из произведений словесности и др.

Первые три главы и значительная часть 4-й посвящены теоретическим вопросам, имеющим, как я понял, отношение не только к лингвистике (русистике), но и к широкому спектру гуманитарных проблем – философских, социологических, эпистемологических и др.

В первой главе («Фоносемантические маргиналии: постановка проблемы») поднимается основная для диссертанта научная проблема – маргинальности как таковой (в самых разных системах и под углом зрения разных наук – философии, антропологии, социологии, богословия и др.) и лингвистических маргиналий в частности (точнее, явлений, названных автором фоносемантическими маргиналиями).

Описываются основные принципы фоносемантики (принцип произвольности языкового знака, детерминизма, отражения) и ее основные законы – такие, как закон соответствия знака и денотата, опреде-

ляемый принципом детерминизма и отражения; закон множественности номинации; закон «относительной денатурализации» языкового знака и др. (с. 42).

Излагая основные методы фоносемантики, выработанные уже в лингвистике, автор предлагает свой метод фоносемантического исследования: «анализ доминантности ономатопоёй (ономатопоёический метод)».

Но есть ли здесь основания для вывода о некоем особом методе исследования? Как я понял, речь идет о сопоставлении частоты употребления в том или ином тексте разновидностей ономатопоёв (фоносемантических аномалиёй и «нормальных» слов, акустических, артикуляторных ономатопоёв или ономатопоёв говорения) и выявления доминантного вида. Предполагается, что «частотность определенного типа ФМ «позволяет установить значимость той или иной фоносферы для автора (звучания внешнего мира, звучания плоти или звуки речи), что позволяет расширить... возможности интерпретации: посредством этого метода выявляются не столько эстетические, сколько семиотические и генетические основы текста» (с. 44). Другими словами, «метод доминантности ономатопоёй», – это статистическая обработка материала, имеющая целью определение излюбленного автором некоторого текста вида ФМ, что позволяет, в свою очередь, прийти к определенным интерпретациям, теоретическим выводам относительно «семиотических основ» и генезиса фоносемантических явлений и др.

Завершается глава определением ФМ. Подчеркивается, что они являются основой («базовой структурой») звукоизобразительной системы (ЗИС) языка (с. 50). «ЗИС любого языка состоит из двух подсистем: звукоподражательной (ЗП) и звукоименической (ЗИ). Основной проблемой многих исследований является неразличение ономатопоёи, составляющей ЗП-подсистему (акустический денотат), и ЗИ-единиц, составляющих ЗИ-подсистему (неакустический денотат) ЗИС языка. Таким образом, ЗИ-словом будет являться и ЗП-слово (ономатопоёя), и ЗИ-слово, где ЗИ-слово будет родовым понятием по отношению к видовым – ЗП- и ЗИ-словам» (с. 52).

Как видим, выделяется два вида единиц звукоизобразительных слов: звукоподражательные и звукоименические. Но достаточно ли одного термина (ЗП-слово) для обозначения единиц, соотношенных с акустическим денотатом? Ведь подражание голосам (*мяу, квак-ква, кря-кря*) и изображение звуков неживой природы (*кап-кап, буль-буль* и т.п.) – вещи явно не тождественные.

Подчеркивается, далее, что объективным критерием для определения единицы ЗИС языка является ее осознаваемая или утраченная звукоизобразительность (примарная мотивированность), причем различия уровней функционирования этих единиц не является препятствием

включения их в единый класс» (с. 51). Отличие ФМ от других единиц ЗИС языка «заключается в том, что они *не утрачивают примарной мотивированности*, сохраняя свой маргинальный языковой статус» (с. 51).

Вторая глава посвящена «линейной динамике», в терминологии автора, ФМ-системы. Здесь рассматриваются проблемы типологии русских ФМ, их грамматические и лексико-семантические свойства.

Автор опирается на типологию С.В. Воронина, но представляет «расширенную типологию русских ФМ за счет введения группы ФМ говорения». Выделяются акустические ФМ (подражания природным звукам) и артикуляторные ФМ, под которыми понимаются «обозначения звуковых процессов, происходящих в полостях носа, рта и горла человека – рефлекторные, сопровождающие те или иные физиологические состояния (например, чихание), и «выразительные», связанные с эмоциями (свист, смех и т.п.). Подчеркивается, что «семантика акустических и артикуляторных ФМ сохраняется неизменной на протяжении всего известного нам времени существования данных единиц».

Среди ФМ говорения разграничиваются явления, «соотносимые:

1) с артикуляторными ФМ: *ных-ных, фырк-фырк, гыр-гыр-гыр, ик-ек, шам-шам* и пр.; 2) с акустическими ФМ: *тары-тары, жу-жу-жу, бу-бу-бу, бум-бум* и пр.

Впрочем, конкретные решения представляются порой необязательными. Почему, скажем, ФМ *гыр-гыр* и *шам-шам* – артикуляторные, а *тары-тары* – акустические?

Грамматикализация ономастов говорения приводит к формированию весьма важной и частотной лексики (ср.: *балаболка, балаболить, белебенить, болтать, бормотать, брюзжать, буркать, бурчать, верезжать, вопить, вопль, ворковать, ворчать, выть, вякать, галдеть* и многие др.), которая, между прочим, относится отнюдь не к периферии языковой системы.

Кроме того, выделяются особые группы ФМ: «слова клича (подзывные) – лексические аттрактанты (*цып-цып, басы-басы, кис-кис*) – и отгона – лексические репелленты (*кыш, брысь*), которые не укладываются в ранее обозначенные рамки» (с. 82), а также «подражания голосовым сигналам животных и птиц» (с. 85)

В звуко-символической подсистеме ФМ также обнаруживается несколько групп ФМ: физиологического или психического состояния (*Брр, ага, ай-ай-ай, ай да* и под.), ФМ, символизирующие (иллюстрирующие?), например, быстрое движение или, напротив, медленные действия (*Только в Корьево встали, вдруг – жух – пятнадцать мотоциклов; Заглянула в огород, а он там на четвереньких гыжи-важи, гыжи-важи*), передающие отрицательную оценочность (*Ты почто как аля-улю себя ведешь? От людей стыдно*) и т.п.

Но что это с точки зрения семиотики? Символические ли это знаки? Какое-нибудь *ага* выражает некоторое чувство, смысл которого понятен лишь в контексте; *жух* – скорее акустическая иллюстрация (изображение звука быстрого движения, так что это скорее иконический знак, чем символ), в *гыжи-важи* важны не столько звуки, сколько интонация.

Достаточно подробно освещается сохраняющийся актуальность вопрос о грамматическом статусе ФМ. Автор полагает, что «термин *фоносемантическая маргиналия* позволяет объединить все рассматриваемые формы в один класс на общем основании – звукоизобразительность» (с. 99), но проблемы грамматического статуса это все же не решает, ибо какие-нибудь *хрю-хрю* и *хлоп* грамматически не тождественны, на наш взгляд.

Выявляются морфологические признаки ФМ (*морфологическая аномальность*), словообразовательные особенности (*редупликация*). Подробно рассматриваются и синтаксические свойства ономотопов. Вслед за другими исследователями автор отмечает противоречивость и невыраженность синтаксического статуса ФМ: автономность в синтаксической структуре предложения-высказывания, свойственная междометиям, предикативность (соотносительность с личными глаголами; ср.: *хлоп* – *хлопнул*), способность ФМ быть аналогом (экспрессивным синонимом) морфологически определенного члена предложения или синкретическим эквивалентом целого высказывания.

Кроме того, рассматриваются структурно-фонетические свойства ФМ - *фонетическая аномальность*.

Анализируя пейоративные ЗС-слова (*грымза, мымра, хрыч, карга, кикимора, параша, мультка, лажя, жрачка, жаба, шкандыбать, харя* и пр.), диссертант пишет, что в них «актуализированы периферийные для русского звуки и сочетания»? В чем, однако, периферийность представленных звуков и сочетаний, для меня остается загадкой. В известной мере аномальными для русского языка будут совсем иные звуки и сочетания, например, нарушающие принцип восходящей звучности в начале слога *мз, нг*, или начальные *э, ы*, сочетания *кы, гы, кю, гю, мю, бю, фью* и под.

Стоит заметить также, что главка о фонетической аномальности почему-то помещена между разделами, посвященными морфологическим и словообразовательным особенностям ФМ.

Во втором разделе анализируемой главы ФМ рассматриваются как такая часть фоносферы, которая связывает биосферу с семиосферой (по Лотману, с «неким семиотическим континуумом, заполненным разнотипными и находящимися на разном уровне организации семиотическими образованиями»). «Универсальным средством репрезентации всех составляющих биофоносферы являются ФМ-системы, которые форми-

руют коммуникативные коды, лежащие на границе между биофоносферой и семифоносферой» (с. 199).

Здесь немало интересных наблюдений, заслуживающих внимания выводов. Впрочем, некоторые выводы представляются спорными. Так, графема *азь* не имеет, по-видимому, той семиотики, о которой идет речь в диссертации; собственно, не ясно, о чем речь – о начертаниях семитской алеф или греч. альфы (кириллического аза) или о соответствующих названиях? Те символические значения, о которых говорится на с. 161 ('бог', 'начало и конец'), определяются не начертаниями букв, и даже не названиями (алеф – 'бык', азь – 'я'), а тем, что эта буква стоит в начале (ср. известное: Азь е4смь а4льфа из ѡ3ме1га, нача1токъ из коне1ць – Откр 1: 8). Выбор названия для глаголической и кириллической буквы также продиктован библейской «концептосферой»: местоимение 1-го л. стоит в начале слов, которыми из среды неопалимой купины открыл Бог свое имя Моисею: Азь е4смь сый (Исх 3: 14). В русском языке слово *аз* приобрело вполне земные метафорические значения (начала, элементарные основы чего-либо, а в значение «нечто сущностное, важнейшее» употребляется лишь библеизм *альфа и омега* (но никак не *азь и ижица*). А вот глаголический азь (крест) действительно имеет символическое значение, и именно как буква, как графический знак.

Заключая вторую главу, автор приходит к диахроническим (глоттогоническим) обобщениям: «Космос лингвофоносферы ФМ-системы возникает из хаоса фоносферы как организация последнего и представляет собою не что иное, как семиотически упорядоченный хаос фоносферы... Космос ФМ-системы генетически вторичен по отношению к хаосу фоносферы, однако в процессе функционирования динамика ФМ-системы может быть рассмотрена как последовательная смена эволюционных циклов (оформления, космизации, устойчивости, равновесности) и деструкции (хаотизации, деформации, деградации, консервации, разрушения) ФМ-системы» (с. 206).

Другими словами, если я правильно понял, ФМ-система в любой момент развития языка может рассматриваться и как космос (в терминах детерминизма) и как хаос (в категориях нелинейной динамики). В **третьей главе** ФМ-система именно так, по мнению диссертанта, и рассматривается. При этом «хаос» ФМ-системы представлен в т.н. «другой речи», под которой в работе понимается «маргинальная (альтернативная) форма существования языка, в сущности, сам язык в его «другом» измерении (с. 210). «Другая» речь понимается как особый вид коммуникации, связанный со специфическими коммуникативными функциями и коммуникативным пространством, где на первый взгляд знаковое пространство не вычленяется, линейный звукоряд представляется хаосом».

Однако в хаосе заложен порядок, и у нас, по мнению автора, имеется «возможность наблюдения и описания порядка, существующего в том, что на первый взгляд кажется хаосом» (с. 211), для чего следует обратиться к категориям нелинейной динамики.

В диссертации по сфере функционирования выделяется *религиозно-магическая, поэтическая (литературная) и фольклорная заумь*. Кроме того, «на прагматическом уровне можно выделять *практическую, поэтическую и магическую заумь*» (в соответствии с коммуникативной, эстетической и магической функциями языка). «Практическая заумь» представлена, например, «на уровне условно-профессиональных языков ремесленников и торговцев-отходников, «практического» языка нищих, реликтов в воровском аргю».

Но, строго говоря, тексты «практической зауми» на этих «языках» (например, на языке офеней) – это не заумь вовсе, а нечто вполне осмысленное (для тех, кто владеет этим кодом). Если фраза на «языке нищих» *Буклян гамыра подавай раклам* действительно значит «Подай стакан водки ворам», то почему она должна считаться «безумной»? Здесь не другая речь, а другой язык.

Подчеркивается, что заумь в любом виде (религиозно-магическая, фольклорная, детская, поэтическая) «в той или иной степени интерпретируется как патологические или «деформированные» формы речи, что еще раз указывает на маргинальный характер данных подсистем» (с. 213). «Наиболее отчетливо «другая» речь проявляется в феномене глоссолалии. Термин *глоссолалия* обычно означает необычное, непонятное сочетание звуков, произносимых людьми в результате религиозного вдохновения или экстаза».

Замечу по этому поводу, что ФМ - это, действительно, единственное, что объединяет «другую речь». Однако то, что автор относит к этой категории текстов, далеко не всегда включает ФМ. В частности, их нет в «поэтической зауми» или в детской зауми «хармсовского» типа (во всяком случае, они там совершенно необязательны), являющейся, по сути, некой забавой, языковым скоморошеством (как в частушках типа *Сидит заяц на заборе в алюминиевых штанах, а кому какое дело, у меня живот болит*).

Автор обнаруживает в «другой» речи такие свойства, как норма / отклонение от нормы, контролируемое / неконтролируемое, универсальное / идиоэтническое, лингвистическое / алингвистическое, бессмысленное / осмысленное. [Но можем ли мы, опираясь на эти антиномии, раскрыть специфику этой самой другой речи, поскольку и «эта» речь (представленная в «нормальных» текстах) такова же?]

В **четвертой главе** описываются функции ФМ, анализируется функционирование ФМ в современном русском языке (в различных коммуникативных сферах и речевых жанрах). В этом отношении, как

показывает рецензируемое исследование, ФМ вполне подобны обычным (немаргинальным) языковым единицам и речевым произведениям. Выделяются такие функции, как *коммуникативная, познавательная, эмоционально-экспрессивная, магическая, фатическая, регулятивная, эстетическая* и даже *метаязыковая*. Утверждается, что метаязыковая функция реализуется в общении с ребенком, когда с помощью ФМ «происходит перевод общего смысла из одного языкового кода в другой. Ср. в детской речи: *Смотри, Мишенька, машинка гудит – би-би-би; [Мать читает] Послышались оглушающие раскаты грома. – А что такое оглушающие раскаты? – Это когда дождь идет, то гроза гремит – **трах-тара-рах**; А что такое утопать? Папа сказал, что утонули они наконец-то. – Это значит ушили – **топ-топ** ножками, утопали, ушили; Кузя, не лезь туда. Упадешь – **бу-бух** – упадешь. Больно будет» (с. 286). Метаязыковая функция ФМ обнаруживается автором в лексикографических и др. текстах (ср.: *гоготать* – о гусях: издавать характерные звуки, похожие на «го-го-го»; *мычать* – о корове: издавать характерные звуки, напоминающие «му-у» [ТСРЯ 1997: 135, 373]).*

Полагаю, однако, что у ФМ метаязыковой функции нет. Здесь ФМ – не описание языковых форм, а иллюстрация, синонимическая замена (уточнение значения, если хотите). И вообще, вряд ли ФМ способны выполнять такую функцию. В отрывке из романа Донцовой, на мой взгляд, представлена экспрессивная функция ФМ. Если мы заменяем знак-символ (*корова*) знаком-иконой (*му-му*), значит ли это, что мы используем язык для описания языка. Это скорее иконическая функция ФМ (для толкований в том числе). *Метаязыковая функция* есть у «обычных» слов, но не ФМ, поскольку звукоподражания, в силу своей знаковой природы, не могут описывать себя «со стороны», толковать себя, и проявляется эта функция, в совсем иных выражениях, например: *му-му в большинстве языков мира является подражанием мычанию коровы.*

Быть может, магическая функция более, чем иные, ориентируется на исследуемые автором языковые формы. Именно ФМ «позволяют создавать коммуникативный код, адекватный условиям религиозно-магической коммуникации» (с. 288). По мнению диссертанта, «магическая функция ФМ проявляется также в их способности быть эвфемизмами (ср.: *Пошла ты на ши-ши; А не пошла бы ты на пиши? [после занятий польским языком]; Да я, говорит, трам-тарарам, котлет из вас наделаю; Я, говорит, тебя – трах-тарарах – размажу по стенке за такие дела. Ну и мат стоял там. Ср. также: ёк-макарёк, ёксель-моксель, елёха-воха, ё-моё, ёр-кородер, ёр-махор, ёкса-мокса, ёк-мок, ё-твоё, ёр-бахор*». Впрочем, такого рода эвфемизмы если и имеют отношение к суггестивно-магической функции, то не в больше мере, чем те табу, которые замещаются фоносемантическими маргиналиями. Может быть,

логичней в данном случае говорить именно об эвфемистической функции ФМ. В диссертации анализируется довольно много примеров из живой русской речи, в которых ФМ используются прежде всего с этой целью. Впрочем, не только с этой. Немалое значение имеет в этих контекстах и экспрессивные и «игровые» возможности ФМ (ср. характерные примеры: *Почему не так стоите? Неужели нельзя стоять стройно, парам-пам-пам; Дай ему, Кужель, бам барабам, по-лягушиному, вперевёрт его по-мартышкиному, три кишки, поганю очко; «Нас и при царе тяпали, тинтиль-винтиль, да мы не молчали», – сказал спокойно и твердо Прохор Стафеев*).

Подчеркивается, что «в современной синхронии сферой активного бытования ФМ является сфера *непринужденного неофициального общения* – преимущественно разговорная речь и говоры. Частотность употребления ФМ повышается в тех формах речи, которые тяготеют к «проторечевым» структурам (арго, сленги, фольклор)» (с. 299). «Наиболее частотны ФМ в языковой игре живой речи города. На основе ФМ строятся шутки, каламбуры, остроты, «приколы», анекдоты, поговорки, в детской речи – дразнилки» (с. 304). Обычны ФМ в художественной речи, где они выполняют различные функции (экспрессивную, эмфатическую, эмотивную и др.). Особенно активно используются ФМ в фольклорных жанрах. «Как специфические народные жанры выступают сказки и малые формы фольклора (загадки, потешки, народные анекдоты), где ФМ выступают метами жанра. При помощи ФМ легко достигается пословичная краткость, динамизм и экспрессия повествования. Ср.: *Колобок сдуру прыг* лисе на язык, а лиса и *ам* его (Колобок); *Барин хлоп* ее по уху (Жена-доказчица); *лошадь-то бежит – трюк-трюк, а топор-то ей по спине стук-стук, да и отсек ей зад* (Не любо – не слушай)».

Завершается 4-я глава непропорционально коротким разделом «Жанровая специфика ФМ в русской речи» (он уместился на одной странице) и в меру пространное рассуждением на тему «Маргинальность ФМ-системы». Здесь автор, следуя, очевидно, циклическому принципу композиции, возвращается к вопросам общего характера, предлагая интересные и в целом убедительные интерпретации.

Предполагается, что вероятность появления ФМ выше в текстах, сопряженных с «высоким эмоциональным напряжением», причем «степень стресса определяет степень частотности ФМ (поэтическая и эмоциональная речь, частушки, трудовые песни, былички, магическая речь, «полемические» бытовые жанры - от ссоры до истерики), а также в текстах, тесно связанных с религиозными обрядами, чародейством, шаманством, «с древними формами речи (религиозный и магический фольклор; паремии, загадки; детский фольклор), в текстах малых жанров (загадки, пословицы, поговорки, дразнилки, частушки, анекдоты, «приколы») и, наконец, в детской речи (с. 361).

Замечу, что некоторые выводы относятся к области иррационального, не подлежащего логической истинностной оценке; ср.: «Маргинальность предстает как гносеологическая категория, обозначающая [?] нечто *нелогичное, непрозрачное для сознания, недоступное для познания*. Сюда может быть отнесено все непознаваемое, внерациональное, нерациональное, иррациональное, противоречивое, парадоксальное, абсурдное, апофатическое... Здесь отражены метафизические свойства маргинальности, где метафизика понимается в классическом смысле: теория, которая описывает все то, что носит сверхопытный, сверхфизический характер» (с. 364).

ФМ представляются как система особых языковых явлений, для которой характерно «меж-бытие», или пограничность» (так что ФМ-система сама оказывается «маркером границы», например, между фоносферой и семиосферой), переходность, нормированность и аномальность (патологичность), центральность и периферийность и др. (с. 363 и далее).

В связи с этим возникает вопрос: Как разграничивается меж-бытие и переходность? Как различает автор равновесность / неравновесность ФМ-системы, с одной стороны, и устойчивость / неустойчивость – с другой (такие свойства приписываются ФМ-системе во введении)?

Вызывают вопросы и некоторые другие выводы теоретического характера. Так, в параграфе 1.2. первой главы рассматривается проблема маргиналий в лингвистике и утверждается, что «лингвистическая маргинальность широко разрабатывалась на уровне категории переходности» (с. 31), при этом в категорию переходности включаются и глагольная переходность, и переходность частей речи, и семантическая переходность (развитие полисемии и омонимии). На мой взгляд, это совершенно разные «переходности», а первая из них к лингвистическим маргиналиям отношения не имеет.

В целом же рецензируемая диссертация, несомненно, представляет собой **самостоятельное оригинальное** исследование, обладающее необходимой степенью новизны и теоретической значимости. **Научная новизна** работы видится прежде всего в том, что ФМ русского языка исследованы как необходимая часть синхронной языковой системы в целом (как подсистема ЗИС), возникающая и развивающаяся по определенным закономерностям, которые интерпретируются в широком теоретическом контексте (детерминистском, нелинейно-динамическом, семиотическом).

Помимо несомненной теоретической значимости, работа имеет и немалое **практическое значение**. К сказанному по этому поводу автором, могу добавить, что подобные исследования могут заинтересовать,

например, такую прикладную дисциплину, как лингвокриминалистика, так как отличительные признаки идиолекта (языковой личности) локализируются прежде всего в сфере маргиналий, в том числе ФМ. Подобные исследования дают определенную методическую базу для выявления оценочных коннотаций слов, производимых на основе ЗИС (*шканды-бать, профурсетка, тырц* и под.) и в словарях обычно отсутствующих.

Выводы, сделанные в результате анализа обширнейшего и разнообразного в жанровом отношении языкового материала (более 1700 единиц), в целом можно оценить как корректные и убедительные, логически согласующиеся с принятыми теоретическими положениями, что дает основания для оценки результатов диссертационного исследования как в достаточной степени **обоснованных, достоверных**.

Тексты монографии и автореферата композиционно и содержательно согласованы; основные идеи, сформулированные в монографии, отражены также в 35 публикациях (в числе которых 2 монографии, учебное пособие, 2 словаря, 18 статей).

Считаю, что рецензируемая работа представляет собой завершённое самостоятельное оригинальное исследование, соответствующее всем требованиям, которые предъявляются к докторским диссертациям, и ее автор заслуживает присуждения степени доктора филологических наук.

26.05.2006.

Доктор филологических наук
профессор кафедры общего
и славянского языкознания
Пермского государственного
университета

В.А. Мишланов

ЕЩЕ НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ И ЗАМЕЧАНИЙ

(они могут прозвучать в ходе защиты)

«Сама ЗИС обладает свойствами маргинальности, однако даже в рамках данной маргинальной подсистемы ФМ отличаются особым маргинальным статусом – примарной мотивированностью. Маргинальность ФМ также обусловлена, с одной стороны, их универсальным характером (на уровне фонемотипа) [ср., например, закон доминантности изоморфизма звукоизобразительных слов, гласящий о том, что в большинстве языков ЗИ слова похожи], с другой – свойствами языка, к которому данная ФМ принадлежит» (с. 56).

Но если нечто в одно и то же время обусловлено универсальным и специфическим, то оно индифферентно и к тому, и к другому. Логически же из утверждения «Универсальный характер системы

обуславливает ее маргинальность», вообще говоря, следует, что всякие универсалии *по определению* относятся к маргиналиям.

В одном из заключительных разделов второй главы утверждается: «Во всех теориях происхождения языка ФМ предстают как маргинальные структуры, формирующие маргинальные (переходные) зоны между языками животных и человека, высшего начала и человека. В рамках логосических теорий ФМ, с одной стороны, являются коммуникативным кодом, обеспечивающим взаимодействие между этим и «другим» миром. С другой стороны, ФМ являются языковой репрезентацией звуковых механизмов, обеспечивающих это взаимодействие. В рамках эволюционных теорий ФМ составляют маргинальную зону при переходе от жеста (двигательной реакции) к слову, от эмоции к логическому началу речи, от рефлекторного выкрика к осмысленному слову, от кинетической речи к звуковой» (с. 201). Мне кажется, что достаточно органично и непротиворечиво глоттогоническую проблему можно связать с ФМ лишь на почве эволюционных гипотез. Но каковы перспективы этих гипотез? Сможем ли мы когда-нибудь построить непротиворечивую теорию эволюцию речи от *гы* к Глаголу?

«В современной синхронии управляющей подсистемой для ФМ является языковая система в целом, которая и приводит к изменению ФМ-слоя (например, в онтогенезе)» (276) – где система, а где подсистема?

Ни к чему не обязывают автора следующего типа высказывания: «ФМ-система демонстрирует весьма высокую степень жизнеспособности и устойчивости типа поведения подсистемы в поле языка. Однако справедливо также и то, что развитие подсистемы ФМ часто связано с формированием весьма неустойчивых и быстро «устаревающих» систем» (278). «Виды изменений ФМ-системы также носят **маргинальный характер** (см. табл. 6), поскольку один и тот же вид флуктуации (утрата примарной мотивированности) приводит систему одновременно к прогрессу (эволюция в абстрактный язык) и разрушению в системе обычного языка. С другой стороны, сохранение или «восстановление» примарной мотивированности на фоне нормы обычного языка **приводит систему к консервации и деформации (деградации) одновременно.** (284).

«Еще менее ясным является вопрос о возможности *познавательной* (когнитивной) и *коммуникативной* (движение информации) функций «другого» языка. Пока можно лишь предполагать наличие в «другой» речи информационной составляющей, поскольку мы не владем кодами, позволяющими прочитывать эту информацию. Тем не менее, даже сегодня можно предполагать наличие этой информационной составляющей, что косвенно можно аргументировать уни-

версальными механизмами структурирования зауми всех родственных и неродственных языков, а также регулярным воспроизводством в истории развития человечества подобных коммуникативных подсистем» (296) (Каковы эти универсальные механизмы?)